

в статье коренным национальностям союзных республик, составляющим 90% населения страны. Для каждого очевидно, что «национальная» поллярность даже самых общих индикаторов сближения городского и сельского населения, безусловно, возрастет, если расширить «диапазон наблюдения», включив в него все народы СССР, и тем более малые. Осуществляя курс на сближение города и деревни, нельзя поэтому не принимать во внимание национально-региональных особенностей, неизбежно сказывающихся в ходе реализации этих процессов.

Конечно, проблема сближения города и деревни имеет первостепенную важность для каждой советской нации, но совершенно очевидно, что необходимы гибкие, приспособленные к местным условиям меры оптимизации этих процессов с учетом регионально-национальных особенностей. СССР — это Союз Республик, и для эффективного регулирования генеральных социальных процессов учет национальной специфики совершенно необходим.

Э. А. Паин

**СИСТЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ
И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ ***

Изучение механизмов стереотипизации этнокультурных явлений как предпосылки формирования традиций и роли различных социальных групп в этом процессе привлекает внимание широкого круга исследователей. Примером могут служить оживленные дискуссии, уже дважды за последние пять лет проходившие на страницах журнала «Советская этнография»¹. Дискуссии эти позволили ближе подойти к пониманию сущности традиций, механизмов их формирования и воспроизводства. Однако вполне естественно, что многие аспекты этой проблематики требуют дальнейшего изучения, особенно применительно к современным условиям.

На наш взгляд, представляет интерес вопрос о том, какая из современных социальных групп (общностей) могла бы претендовать, хотя бы отчасти, на ту роль в процессах формирования и хранения традиций, которую в прошлом играла соседская община. Не менее важно определить меру участия и специфику функций в рассматриваемых процессах отдельной малой социальной общности, с одной стороны, и системы таких общностей — с другой.

Не претендуя на исчерпывающее решение этих вопросов, позволим себе предложить гипотезу о роли отдельных территориальных (поселенческих) общностей и их иерархии в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в период урбанизации. При этом основное внимание мы уделим современному этапу урбанизации в СССР, главным образом одному из ее аспектов — социально-культурному взаимодействию города и деревни.

Объектом исследования выступают территориальные общности, функционирующие в рамках этносоциальных организмов (ЭСО). Преимущественно нами рассматриваются ЭСО национального уровня.

* Печатается в порядке обсуждения.

¹ Имеются в виду обсуждения статей Э. С. Маркаряна (1981 г.) и М. М. Громыко (1984—1985 гг.). См.: *Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.* — Советская этнография (далее — СЭ), 1981, № 2. Обсуждение статьи: там же, № 3; *Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций.* — СЭ, 1984, № 5. Обсуждение статьи: там же, 1984, № 6; 1985, № 1, 2.

Решение вопроса о роли тех или иных социальных общностей в динамике традиций представляется затруднительным без предварительного уточнения некоторых пунктов в характеристике сущности самих традиций как сложного социально-культурного феномена.

В последние годы у специалистов получило широкое признание определение традиций как «группового опыта», выраженного в «социально организованных стереотипах»². Это определение отражает наиболее общие признаки традиций. Для решения поставленных в данной статье задач мы считаем необходимым детализировать эти признаки, выделить свойства «социально организованных стереотипов», позволяющие некоторым из них, во-первых, распространяться на всю этническую общность, становиться нормами для этноса³, во-вторых, закрепляться в исторически накапливаемом фонде этнической культуры — становиться традициями (традиционными нормами). На наш взгляд, в наибольшей мере способностью широко распространяться в этнической общности и закрепляться в межпоколенной трансмиссии обладают так называемые «неформальные» (некодифицированные) нормы. Под ними в данной статье понимаются лишь те общепринятые стандарты, стереотипы поведения и сознания, которые складываются в процессе непосредственного взаимодействия людей на основе подражания престижным образцам, поддерживаются авторитетом общественного мнения и его выразителей (отдельных индивидов или групп), а также опираются на силу социальных привычек⁴.

Неформальный характер — одна из важнейших особенностей этнокультурных традиционных норм, и именно он служит одной из основных предпосылок их исторического самовоспроизводства. Нормы эти могут самовоспроизводиться уже потому, что их нельзя отменить.

Неформальный характер этнокультурных норм лежит в основе такого отличительного их свойства, как вариативность — способность изменять некоторые свои внешние признаки в процессе приспособления к конкретным историческим, региональным условиям и отчасти к индивидуальным особенностям людей (для кодифицированных юридических норм подобная возможность исключается, поскольку их изменение — прерогатива специальных институтов). К. В. Чисов, характеризуя явление вариативности этнокультурных традиций, сравнивает два вида одежды: национальную праздничную одежду жителей одного села и униформу солдат одного полка. Праздничная одежда однотипна, но и индивидуально вариативна, в то время как солдатская форма в соответствии с предписаниями воинского устава абсолютно унифицирована⁵.

Этнокультурные традиции, в большинстве своем являющиеся неписанными эмпирическими нормами (нормами-образцами), сохраняются, как правило, лишь при условии постоянного использования их в практике. На наш взгляд, уместно говорить не о хранении, а о непрерывном воссоздании, воспроизводстве традиций⁶.

Сама специфика этнокультурных традиций указывает на то, что определенным своеобразием должен отличаться и их носитель. В этой роли не могут выступать государственные экономические и политические институты; неформальные, но узкопрофессиональные объединения людей. Не подходит на роль основного носителя этнокультурных традиций

² Маркарян Э. С. Указ. раб., с. 80; *его же*. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983, с. 154.

³ Ю. В. Бромлей отмечает, что в качестве отличительного признака этнической культуры «могут выступать лишь те культурные черты, которые характерны для всего этноса», «могут иметь всеобщую значимость в пределах этноса», т. е. общепризнанные образцы, эталоны-нормы культуры. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 117.

⁴ Во многом аналогичную трактовку традиционных норм как основного механизма саморегуляции неформальных организаций см. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969, с. 12.

⁵ См. Чисов К. В. Традиция и вариативность. — СЭ, 1983, № 2, с. 14—22.

⁶ Ср. Там же, с. 19, 20.

и индивид, поскольку может быть их хранителем лишь на время своей жизни, а также отдельно взятая семья как демографически несамовоспроизводящаяся группа. В случае утраты синхронных связей со своей этнической общностью (например, при переселении) семья не сможет хранить этническую культуру уже в третьем поколении, ибо дети, рожденные в национально-смешанных семьях, чаще всего выбирают национальность того из родителей, который представляет основной для данной территории этнос⁷.

Есть и другие причины, не позволяющие семье выполнять функции основного носителя этнической культуры. Дело в том, что всякая деятельность требует кооперации усилий, а следовательно, и специализации обязанностей. Традиционно-бытовая деятельность в этом отношении не является исключением. В силу некоторой специализации в одних семьях есть, например, мастер, знающий правила постройки традиционного жилища, в других — такого специалиста может не быть; в одних семьях есть знаток народных обычаев и обрядов, в других — нет, и т. д. Помимо отраслевой горизонтальной специализации существует еще вертикальная — имеется в виду специализация индивидуальных, семейных и межсемейных функций. Индивид не может воспроизвести ту часть традиционной культуры, которая связана, например, с внутрисемейной кооперацией, а отдельная семья — с межсемейной деятельностью. Семьи неоднородны по составу и структуре, по социальному статусу и образовательному уровню; кроме того, каждая семья имеет свои наследственные психофизиологические особенности. Все это обуславливает то обстоятельство, что различные семьи хранят различную этнокультурную информацию (точнее, разные ее фрагменты) и, лишь обмениваясь ею в составе некоторой общности, они могут воспроизводить культуру как целостность.

Представляет самостоятельный интерес изучение пропорций и границ вклада индивида и семьи в фонд этнической культуры, но сколь бы ни был велик этот вклад, индивид и семья выполняют свои функции только как часть некоторой общности. Лишь этнос в целом способен наиболее полно воспроизводить всю совокупность черт этнической культуры. Однако для того чтобы понять механизмы этого процесса, необходимо выделить основные структурные элементы ЭСО, уяснить специфику их функций и способ взаимосвязи. Теоретически ЭСО можно представить как сложноорганизованную совокупность индивидов или семей либо классов и социальных слоев. Выбор проекции, в которой рассматривается ЭСО, зависит от цели исследования. Для изучения механизмов формирования и воспроизводства этнокультурных традиций — критерием выделения элементарной ячейки (клеточки ЭСО) может быть, на наш взгляд, ее способность относительно самостоятельно на протяжении длительного исторического периода воспроизводить комплекс существенных черт этнической культуры. Такому критерию отвечает только самовоспроизводящаяся общность, т. е. по крайней мере несколько десятков семей, большая часть которых связана узами эндогамии. Речь идет о первичной территориальной общности, на определении которой мы остановимся особо.

Территориальная структура этносоциального организма

Общая территория является одной из предпосылок социально-культурной интеграции проживающего на ней населения, выступая как среда обитания людей с присущим ей своеобразием хозяйственных, бытовых, экологических условий; как зона наиболее интенсивных контактов между членами территориальной общности; как система символов, складывающихся в образ родной земли.

⁷ См. Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3.

Использование группой семей, проживающих на определенной территории, одних и тех же природных ресурсов и элементов искусственной среды до известной степени способствует формированию общности в том ее значении, которое принято называть «одинаковостью»⁸. В то же время общая среда жизнедеятельности является лишь исходной, начальной предпосылкой интеграции населения. Интенсивные связи между жителями поселения или нескольких поселений повышают уровень интеграции членов территориальных общностей — формируют общность как объединение. Система символов способствует осознанию членами общности своего единства и тем самым еще более упрочивает его. Три группы факторов — средовые, коммуникативные и сигнификативные — лишь в совокупности формируют социально-культурное своеобразие территориальных общностей. Однако центральным фактором в этой системе является коммуникативный. Данная точка зрения, как нам представляется, согласуется с известной концепцией Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова⁹.

Понятие территориальной общности вошло в научный оборот социологии и ряда смежных с ней дисциплин сравнительно недавно — примерно с конца 1960-х годов. Видимо поэтому пока не сложился единый подход к определению содержания указанного понятия¹⁰. Однако при всех расхождениях специалисты единодушны в том, что основным признаком территориальной общности является многофункциональный, комплексный характер связей, охватывающих одновременно основные сферы деятельности ее членов — труд, быт, отдых. В отличие от «отраслевых», специализированных объединений людей (производственных, учебных, конфессиональных и др.), территориальные общности выступают как сфера целостного воспроизводства личности¹¹. Комплексный характер связей, базирующихся на обмене основными видами деятельности людей, обеспечивает территориальным общностям относительную самостоятельность и устойчивость. Подчеркиваем — имеется в виду именно относительная самостоятельность таких образований, особенно если речь идет о первичных территориальных общностях. Последние являются элементарными ячейками более широких территориальных образований — вторичных территориальных общностей (условно назовем их землячествами). Среди специалистов нет расхождений в понимании того, что территориальные общности разного таксономического уровня составляют единую систему. В то же время существуют различные мнения по вопросу о принципах выделения первичных элементов из системы территориальных общностей. Так, Т. И. Заславская, разрабатывая концепцию социально-территориальной структуры советского общества, выделяет разные уровни территориальных общностей по признаку их административной принадлежности. Верхний уровень этой структуры составляет общность в масштабе страны, а нижний — первичные территориальные общности, складывающиеся, по мнению исследовательницы, в границах отдельных поселений, как городских, так и сельских. Между ними размещаются общности республиканского, областного и районного уровня¹². Другие авторы полагают, что не только

⁸ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 23.

⁹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2.

¹⁰ См. Шепанский Я. Указ. раб., с. 160; Рабочая книга социолога/Отв. ред. Осипов Г. В. М.: Наука, 1976, с. 97—98; Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983, с. 183.

¹¹ Подробнее об этом см. Борцевский М. В., Успенский С. В., Шкарата О. И. Город: методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975, с. 97—98.

¹² Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ/Под ред. Т. И. Заславской и И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1979, с. 28; см. также Заславская Т. И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества. — В кн.: Социально-территориальная структура города и села. Новосибирск: Наука, 1982.

сельские поселения, но даже малые и средние города не являются первичными территориальными общностями, поскольку их среда не обеспечивает возможности «для осуществления полного цикла социально-демографического воспроизводства». Как правило, по их мнению, «ныне лишь крупные города обладают этим признаком и могут быть отнесены к самостоятельным первичным территориальным общностям»¹³. Однако следует заметить, что среда даже самых крупных городов не создает предпосылок для удовлетворения многих важных жизненных потребностей, например длительного отдыха. Представляется, что осуществление «полного цикла социального воспроизводства» возможно лишь в системе территориальных общностей национального уровня. При вычленении ее структурных звеньев (элементов) целесообразно учитывать наличие различных временных циклов в жизнедеятельности людей: повседневного, недельного, месячного, годовичного и т. д. Думается, что на уровне низовой, первичной ячейки этой системы реализуется только комплекс повседневных видов деятельности. Исходя из этого мы определяем первичную территориальную общность как объединение людей, связанных совместным проживанием на территории, масштаб которой допускает возможность непосредственных контактов в процессе осуществления комплекса повседневных жизненных функций.

Г. А. Гольц, опираясь на статистические материалы по ряду стран почти за 200 лет (и особенно на новейшие данные по СССР), установил, что комплекс важнейших повседневных связей, включая трудовые, может быть реализован на территории, радиус которой не превышает в среднем 60 мин. езды в одну сторону¹⁴. Обычно это территория одного поселения или нескольких соседних, предоставляющих своим жителям места приложения труда и возможность удовлетворения наиболее насущных культурно-бытовых потребностей¹⁵.

Под определение первичной территориальной общности не подпадают жители так называемых «поселений-спален», поскольку проводят в них только вне рабочее время, а также современных городских кварталов и микрорайонов, так как значительную часть своих повседневных функций (трудовых и бытовых) реализуют в других частях города. Возможно, определенное исключение составляют кварталы некоторых городов в сравнительно слабоурбанизированных районах страны, например, в Средней Азии. Однако и там проявляется тенденция к расширению ареала жизнедеятельности горожан.

Внутри полифункциональных первичных территориальных общностей могут складываться объединения людей, основанные на узкофункциональных связях (производственных, бытовых, соседских и др.). Такие объединения мы предлагаем именовать субтерриториальными контактными группами.

Одним из исторических типов первичных территориальных общностей, сохранившихся у многих народов СССР вплоть до начала XX в., являлась соседская община. Она могла состоять из жителей одного квартала (квартальная община, например, в среднеазиатских городах и крупных кишлаках), одного сравнительно крупного сельского поселения или нескольких мелких, объединяющихся вокруг поселения-центра. Например, в сельские соседские общины восточных славян чаще всего входили жители села-центра и группирующихся вокруг него малых населенных пунктов: деревень, починок, выселок, хуторов. Такие поселения в культурно-бытовом и идеологическом отношениях были менее автономны, чем, например, квартал (махалля) в крупном узбекском кишлаке.

Сельскую соседскую общину, скажем в России конца XIX в., можно рассматривать в двух проекциях. Как государственно-регламентированный социально-экономический институт она выполняла предписанные

¹³ Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И. Указ. раб., с. 98; см. также Шкаратан О. И. О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности.— СЭ, 1984, № 6, с. 8.

¹⁴ Гольц Г. А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981, с. 122—123, 154, 162—166.

¹⁵ Алаев Э. Б. Указ. раб., с. 183.

извне, строго фиксированные и регионально-неварьируемые функции, — податные, рекрутского набора, общественных государственных работ и др. Как собственно территориальной неформальной общности ей были свойственны функции, складывающиеся в процессе непосредственного взаимодействия членов общины, например хозяйственной и бытовой взаимопомощи, неформального контроля, совместного проведения праздников и отправления культовых ритуалов, совместного использования некоторых учреждений, расположенных на территории общины и др. Содержание этих функций регионально и национально варьировало. Понятно, что процесс воспроизводства этнокультурных традиционных норм связан с осуществлением именно внутренних неформальных функций.

В качестве социально-экономического института феодального и капиталистического общества соседская община перестала существовать в советский период, однако многие ее неформальные функции сохраняются и наследуются современными территориальными общностями.

Как показывают социологические исследования, проведенные сотрудниками ЦНИИПградоостроительства в 1977–1978 гг. в селах Узбекской ССР и Татарской АССР, а также в 1984 г. в сельских горных районах Грузинской ССР, основная часть трудовых и культурно-бытовых связей сельских жителей замыкается границами первичных территориальных общностей (колхозов, совхозов или сельских советов), территория которых зачастую совпадает с бывшей территорией соседской общины¹⁶. Сохраняют свою ведущую культурно-бытовую роль поселения-центры общин. Характерно, что сельские жители некоторых регионов страны реализуют в рамках первичных территориальных общностей не только свои повседневные функции, но и большую часть функций недельного и даже месячного циклов. Так, в Узбекской ССР на поездки (переходы) в пределах территории сельсовета приходится 82% всех месячных «челночных» перемещений, совершаемых в культурно-бытовых целях. Самая низкая доля таких перемещений среди рассматриваемых регионов зарегистрирована в Татарской АССР — 60%.

Современная сельская «община» в значительной мере эндогамна. Например, в селах Узбекистана и Сванети свыше 3/4 однонациональных браков заключается между жителями поселений одного сельсовета. В Татарской АССР этот показатель меньше — 58%¹⁷. Несмотря на то что эндогамия в пределах современной первичной территориальной общности (условно говоря, общины) охватывает в среднем не более 50–60% семей, она тем не менее обеспечивает устойчивое демографическое воспроизводство основного ядра таких общностей. Например, в селах Узбекистана и обследованных районов Грузии свыше 90% опрошенных назвали себя потомственными жителями данного населенного пункта. В Татарии этот показатель также высок — более 70% опрошенных.

Не всегда сельская первичная территориальная общность складывается в границах сельсовета. В слабозаселенных сельских районах, например Севера европейской части СССР, средняя численность населения на территории сельсовета не превышает 500 человек. В этих условиях демографический потенциал поселений одного сельсовета не обеспечивает возможность выбора брачного партнера даже 30% жителей соответствующего возраста, а совокупный производственный и культурно-бытовой потенциал не позволяет удовлетворить многие, порой и

¹⁶ В ряде социалистических стран первичная сельская территориальная общность по-прежнему называется общиной. У нас пока не сложилась единая терминология для обозначения таких общностей. Некоторые специалисты предлагают использовать в этих целях термин «коммуна», поскольку в практике утвердились производные от него термины «коммунальное хозяйство», «коммунальные услуги», см.: *Алаев Э. Б.* Указ. раб., с. 184. Иногда используется и термин «община», см. *Хорев Б. С.* В одном ранге, но с разным весом (о судьбе городов и территорий). — Лит. газ., 1985, 27 нояб.

¹⁷ Следует отметить, что в пригородных районах Татарии указанный показатель не превышает 25%, а на территориях, непосредственно примыкающих к Казани — 20%. Большинство местных сельских жителей вступает в брак с приезжими, а основным местом знакомства будущих супругов служит город.

наиболее существенные потребности сельских жителей. Вероятно, в таких регионах первичная территориальная общность формируется из населения нескольких (двух—трех) сельсоветов. В прошлом это были территории волостных общин, а ныне такие образования в теории градостроительства называются кустовыми или межхозяйственными подсистемами расселения.

Население городов, в том числе крупных, как справедливо отмечает О. И. Шкаратан, составляет единую первичную территориальную общность. Ее социокультурное единство складывается под воздействием уже упоминавшихся трех групп факторов: средовых, коммуникативных, сигнификативных.

Общегородская производственная, транспортная и культурно-бытовая инфраструктура обуславливает единый ритм жизни городской общности, предъявляет единые требования к поведению ее членов. Местное самосознание формирует система общегородских символов — от исторических памятников до популярной футбольной команды. Исследователи, изучающие город как социально-культурную общность, отмечают, что одной из основных его особенностей является во много раз большая, чем в сельских поселениях, плотность контактов, в том числе межличностных. При этом технические средства передачи информации, например телефон, не ослабляют, а чаще всего предупреждают, подготавливают будущие прямые контакты. Не случайно внутригородская мобильность населения возрастает¹⁸.

Плотность контактов неодинакова в разных частях города: наиболее высокая в центре города, она снижается по мере приближения к его границам. Центр — это место наибольшей концентрации разнообразных сфер деятельности, средоточие деловой, общественной и культурной жизни; здесь расположены общегородские административные и культурные учреждения, наиболее посещаемые предприятия и учреждения бытового, торгового обслуживания, престижные места развлечения и общения. Центр — основной транспортный узел города. По данным Л. Б. Когана, почти четверть опрошенных работающих москвичей ездит на работу через центр и почти ежедневно посещает расположенные здесь учреждения культурно-бытового назначения. Еще 52,2% опрошенных специально отклоняются от прямого маршрута с работы домой, чтобы попасть в центр города¹⁹. Центр — основной хранитель истории города, запечатленной в памятниках материальной культуры. Культурно-психологическая атмосфера центра привлекает горожан не меньше, чем его утилитарные достоинства. На вопрос: «Любите ли Вы бывать в центре города?» положительно ответили 50% опрошенных москвичей и 75% тбилисцев²⁰. В целом центр города играет чрезвычайно важную роль в социально-культурной интеграции городской общности.

Любая первичная территориальная общность, в том числе и городская, характеризуется помимо общекультурного еще и этнокультурным единством, выражающимся по крайней мере в наличии преобладающего национального языка как средства общения. Вместе с тем города, как правило, многонациональны. Поэтому внутри первичной территориальной общности в ряде случаев могут формироваться моноэтнические субтерриториальные контактные группы. Аналогичные группы могут складываться и в многонациональных сельских поселениях.

Города, являясь особой разновидностью первичных территориальных общностей, одновременно выполняют функции центров, объединяющих несколько первичных общностей (в основном сельских) в более широкие социально-территориальные образования — землячества. Понятно, что чем шире масштаб общности, тем менее интенсивными и регулярными могут быть связи между ее представителями. Если для пер-

¹⁸ Обзор мнений советских и зарубежных специалистов о коммуникативных процессах в городах см. Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984, с. 61—64.

¹⁹ Социально-культурные функции города и пространственная среда/Под ред. Когана Л. Б. М.: Стройиздат, 1982, с. 72, 74.

²⁰ Там же, с. 75.

вичных общностей характерны преимущественно контакты в рамках повседневного цикла жизнедеятельности, то для вторичных — недельного или месячного (в зависимости от таксономического уровня общности) и, кроме того, так называемые «эпизодические» связи, не имеющие строго определенной частоты. В первичных общностях возможны непосредственные межличностные связи; для вторичных же более характерны межгрупповые связи (условно их можно назвать «представительскими»), поскольку субъектами передачи информации являются не все члены группы, а лишь отдельные, например чаще других бывающие в городе — центре землячества).

Одна из разновидностей связей в рамках обширных землячеств (историко-культурных областей) — миграции населения. Изучение ареалов миграций показывает, что миграционные потоки внутри историко-культурных областей интенсивнее, чем межобластные, а внутриреспубликанские — интенсивнее межреспубликанских²¹.

Ю. В. Бромлей отмечает, что «этносы представляют собой пространственно ограниченные „сгустки” специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией»²². В какой-то мере такие «сгустки» инфосвязей проявляются и внутри этноса, а этническая непрерывность обеспечивается связями между внутриэтническими общностями разного масштаба.

Этносоциальный организм можно представить как иерархически организованную систему территориальных общностей. В границах расселения этноса (или его основного массива) легко выделить несколько крупных, типологически однопорядковых ареалов, соответствующих уровню внутриэтнических историко-культурных областей, которые, в свою очередь, можно подразделить на локальные ареалы — историко-культурные районы и микрорайоны. Элементарной единицей такой системы является первичная территориальная общность (в прошлом — община). Примером может служить грузинский ЭСО. В нем выделяются историко-культурные области (Картли, Кахети, Сванети и др.). Большинство областей подразделяется на историко-культурные районы, например Верхняя и Нижняя Сванети. В каждый район входит несколько первичных общностей типа сванских обществ («хеви»), границы которых соответствуют территории современных сельсоветов. Этносы необязательно включают все перечисленные таксономические типы внутриэтнических территориальных общностей — некоторые звенья территориальной структуры могут отсутствовать. Однако само наличие иерархической территориальной структуры — один из важнейших признаков этносоциального организма национального типа. Такая структура отражает, с одной стороны, исторический процесс консолидации земляческих общностей в единую нацию, с другой — сохраняющиеся локально-культурные различия в пределах этносоциального организма.

Первичные территориальные общности классового общества являются частью социально-экономической и этносоциальной системы. Вероятно и в системе механизмов формирования и воспроизводства этнокультурных норм такие общности выполняют некоторые частные, специализированные функции.

Иерархия территориальных общностей и некоторые механизмы стереотипизации культурных явлений

Схематически территориальная структура этноса может быть представлена в виде окружностей разного масштаба. Если на эту схему (допустим, картосхему) нанести ареалы основных этнокультурных явлений, то мы увидим, что какими бы ограниченными ни были эти ареалы, они тем не менее всегда шире границ одной общины (если исключить из рассмотрения общины, являющиеся субэтносами или этнодисперсными группами).

²¹ См. *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975, с. 75.

²² Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 111.

Так, одним из самых регионально-вариантных элементов традиционно-бытовой культуры является сельское жилище. В пределах одного этноса существуют заметные различия в типах жилищ разных историко-культурных областей. Легко отличить северно-русский дом-двор от южно-русских жилых и хозяйственных построек, рассредоточенных по всей усадьбе, сванский жилищно-хозяйственный комплекс с высокой башней от вросших в землю месхетских «дарбази». Межрайонные различия внутри одной историко-культурной области значительно слабее, чем межобластные, и затрагивают лишь отдельные детали жилища или некоторые частные особенности его размещения на усадьбе. Например, в двух соседних районах Центральной России — во Владимирском ополье и Ростовской котловине — преобладает один и тот же тип традиционного сельского жилища, однако в первом районе оно размещается перед земельным участком, а во втором — делит участок на две части: одна из них — огород (за домом), вторая — сравнительно большой палисадник²³. В то же время между общинами одного историко-культурного района типологически значимых различий ни в типах жилищ, ни в других элементах материальной и духовной культуры не наблюдается.

Уже сам факт культурной гомогенности историко-культурных районов показывает, что отдельная община, как правило, не формирует собственные культурные стереотипы. Если бы такой процесс имел место, то он должен был бы привести к культурной мозаичности района.

Важную роль в формировании культурной однородности внутриэтнических районов играют их центры.

Два основных фактора определяют ведущую роль центров в территориальной диффузии культуры: во-первых, они являются узлом коммуникаций, местом контактов большого числа людей, съезжающихся сюда со всей округи, во-вторых, — местом проживания социально престижных групп населения. Чем выше ранг поселения-центра, тем выше его престиж. Наиболее престижны национальные столицы, следующее место занимают центры историко-культурных областей (назовем их региональными), затем идут местные центры (уездные, волостные, сейчас — районные и межколхозные), замыкают иерархию центры «общин» (сельсоветов, колхозов) и прочие поселения. Иерархия поселений-центров создает перепад престижных уровней, что служит предпосылкой распространения культурной информации. Как справедливо отмечает С. А. Арутюнов, многие культурные явления передаются путем заимствования, при этом оценка культуры-донора престижнее оценки культуры-реципиента, т. е. первая выступает в качестве референтной группы²⁴.

Явление престижного перепада лежит в основе давно известного в социальной географии каскадно-иерархического способа распространения культурной информации. Суть его в том, что культурные инновации, как правило, распространяются в определенной последовательности: от крупных городов к средним, от них — к малым и так вплоть до самых мелких провинциальных сельских поселений²⁵.

Каскадно-иерархический тип трансляции культуры можно проиллюстрировать на примере распространения в европейской части страны ориентаций на малодетную семью, включающую одного-двух детей. По данным многолетних обследований ЦСУ СССР, такая ориентация впервые зафиксирована в качестве нормы в самых крупных городах страны — Москве и Ленинграде. Здесь уже в предвоенные годы (1939—1941 гг.) показатель среднего ожидаемого числа детей в семье составлял менее 1,99, а к 1945 г. снизился до 1,5—1,4. В других крупнейших (с населением свыше 500 тыс. человек) городах европейской части ука-

²³ Региональные особенности планировки и застройки сел (обзорная информация), вып. 3, М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1983, с. 29.

²⁴ Арутюнов С. А. Этнографическая наука и культурная динамика. — Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 48.

²⁵ Хаггер П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1978, с. 344; см. также Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1984.

занная ориентация стала преобладающей в 1950—1954 гг. Именно в это время рассматриваемый показатель здесь опустился ниже отметки 2,0. Города с населением 500—100 тыс. человек достигли аналогичного порога лишь в 1960—1964 гг., а с населением 100—20 тыс. человек — в 1970—1974 гг. Что касается городов с числом жителей менее 20 тыс. и сельских поселений, то в них еще в 1976 г. преобладающей была ориентация на семью, имеющую более двух детей²⁶. Однако анализ сложившейся в этих типах поселений динамики демографических ориентаций не оставляет сомнений в том, что к концу 1980-х годов и в них установятся ориентации, ранее характерные только для крупных городов²⁷.

Аналогичным образом в иерархии поселений распространяются и нормы материальной культуры: новые модели одежды, предметов домашнего обихода, новые типы сельскохозяйственных орудий (личного или семейного пользования) и др.²⁸.

В то же время каскадный тип диффузии не в одинаковой мере характерен для различных видов культурных новшеств. Так, новые моды в одежде, прическах и т. п. распространяются сравнительно быстро (в значительной мере благодаря средствам массовой информации) и охватывают сразу несколько уровней иерархии территориальных общностей. Другие виды культурных инноваций — например, типы демографических ориентаций и демографического поведения, ориентации на использование новых видов учреждений обслуживания, новые типы жилищ распространяются медленнее и при этом в последовательности, строго соответствующей рангу поселений в иерархии. Представляется, что основным каналом распространения таких инноваций является непосредственное (контактное) общение. Отчасти наше предположение подтверждается самим фактом одновременного появления указанных новшеств на разных уровнях поселенческой иерархии. Если бы решающую роль в такой трансляции играли технические средства передачи информации, то велика была бы вероятность появления одной и той же нормы сразу во всех или по крайней мере во многих типах поселений, поскольку их жители могут одновременно получить информацию по радио или телевидению, из газет, журналов и т. п.

Технические средства значительно увеличивают скорость распространения информации, но они «не отменяют» механизмов ее каскадной диффузии.

Так, для укоренения в жизни определенной общности некоего нового культурного явления, имеющего преимущественно престижно-символическое значение, недостаточно одной лишь информации о его существовании. Необходимо еще, чтобы общность признала престижный характер этого новшества. Например, жители отдаленного узбекского или бурятского селения могут сейчас наблюдать по телевидению демонстрацию новых моделей одежды из Москвы или даже Парижа, однако это не означает, что они тут же одобряют их. Скорее всего, эти телезрители подождут, пока такую одежду станут носить люди, пользующиеся авторитетом именно в данном селе — своего рода местная референтная группа. Опробовав новшество, эта группа тем самым как бы санкционирует его распространение в округе, на которую распространяется ее авторитет. Не менее значительна роль референтных групп и в распространении сугубо утилитарных культурных явлений, особенно тех, которые могут радикально изменить привычную бытовую обстановку, скажем новых типов жилищ. Прежде чем воспользоваться такой иннова-

²⁶ Белов В., Бондарская Г., Дарский Л. Динамика и дифференциация рождаемости в СССР (по материалам обследования). — Вестн. статистики, 1983, № 12, с. 19.

²⁷ В Москве и некоторых других крупнейших городах европейской части страны у групп населения с высоким социальным статусом и уровнем материальной обеспеченности сейчас наблюдается ориентация на так называемую «среднедетную» семью (2—3 ребенка). Если указанная ориентация станет преобладающей в таких городах, это, возможно, будет означать начало нового цикла распространения демографических норм в иерархической цепи поселений.

²⁸ См., например, краткий обзор работ шведской школы географов, руководимой П. Хегерстрандом: Новые идеи в географии. М.: Прогресс, 1979, с. 86—111, 259—261.

цией, человек хочет удостовериться, не приведет ли это к каким-либо неблагоприятным последствиям в конкретных экологических и социально-экономических условиях. И в этом случае референтная группа берет на себя миссию опробования новшеств, выступая в роли своеобразного экспериментатора. Она же впоследствии передает инновации другим группам, признающим ее авторитет. Однако для такой передачи необходимо, чтобы контактирующие группы были достаточно близки по своему социальному статусу и укладу жизни. Так, основной референтной группой для сельского населения являются жители малых городов, уклад жизни которых достаточно престижен и вместе с тем во многом напоминает сельский. Престижный перепад вызывает у сельских жителей потребность в заимствовании культурных норм, а близость укладов обеспечивает возможность использования их в сельском быту. Роль референтной группы для жителей малых городов играют ближайшие к ним по статусу территориальные общности — население средних городов, а для последних — жители крупных городских центров.

Одной из предпосылок приобщения сельского населения к городским нормам культуры выступает миграция в города. При этом наиболее распространенной является так называемая «ступенчатая» или «поэтапная», миграция. Она осуществляется путем последовательного перемещения жителей из сельских поселений в соседний рабочий поселок либо малый город, а из него (обычно после приобретения городской профессии и общей адаптации к городскому образу жизни) — в более крупный город ²⁹.

Миграция из города в село пока невелика и закономерности ее недостаточно изучены. Однако, судя по ряду публикаций, этот вид миграции также имеет ступенчатый характер, проявляющийся по крайней мере в том, что большую часть мигрантов из города принимают урбанизированные пригородные села ³⁰.

Процессы ступенчатой миграции и каскадной диффузии инноваций не только дополняют, но и взаимообуславливают друг друга. Рассматриваемая нами форма миграции препятствует чрезмерному увеличению различий в социальном составе, а, следовательно, и в образе жизни контактирующих общностей. Близость же социальных укладов, как уже отмечалось, облегчает процесс распространения и заимствования культурных норм.

По нашим наблюдениям, городские нормы культуры наиболее быстро распространяются в тех регионах, где сложился так называемый континуальный тип иерархии поселений. Для него характерны относительно небольшие различия в величине, а, значит, и в уровне социального развития поселений, располагающихся на соседних ступенях территориальной иерархии: численность населения самого крупного в регионе города сравнительно незначительна (всего в 1,5—2 раза) больше, чем у следующего по величине, который, в свою очередь, по численности жителей близок к стоящему за ним поселению. Континуальный тип иерархии в СССР присущ наиболее индустриально развитым, высоко урбанизированным районам европейской части ³¹. Относительно медленно распространяются городские нормы в условиях так называемого доминантного типа иерархии поселений, при котором один центр — столица резко отличается от остальных городов по величине, а также по экономическому и социально-культурному потенциалу. К такому типу относится иерархия поселений в Средней Азии. Например, Ташкент почти в 5 раз больше второго по величине города Узбекской ССР — Самарканда. Столь же велики различия между Ташкентом и прочими города-

²⁹ См. *Покишишевский В. В.* Картографирование миграций и его этнические аспекты. — В кн.: *Проблемы этнической географии и картографии.* М.: Наука, 1978, с. 89.

³⁰ См. *Корель Л. В.* Влияние урбанизации села на сельско-городскую миграцию Западной Сибири. — В кн.: *На новом месте.* М.: Финансы и статистика, 1984, с. 49.

³¹ *Покишишевский В. В.* Проблема второго города в системах городского расселения. — В кн.: *Развитие и регулирование систем расселения в СССР.* М.: Статистика, 1974, с. 103.

ми республики в уровне экономического и социально-культурного развития³².

Каскадно-иерархическая диффузия культурных норм — явление, характерное отнюдь не для одной лишь современности. В той или иной мере оно проявлялось и на предшествующих стадиях взаимодействия города и деревни. Представляется, что именно таким образом в прошлом распространились в русской деревне многие городские явления культуры: сарафан, сапоги, картуз, гармонь, кадрили и др.³³

Не только крупный столичный город, но и вся возглавляемая им историко-культурная область, включая и сельские районы, занимает более высокое место на лестнице престижа, чем прочие области данной этнической территории, поэтому культурные нормы таких областей чаще других становятся общенациональными. Не случайно московский диалект лег в основу русского литературного языка, нормы материальной культуры Айратского региона становятся общеармянскими³⁴, а прилегающих к Тбилиси районов Картли и Кахети — общегрузинскими³⁵.

Примечательна тенденция распространения в большинстве историко-культурных областей Грузии сельского жилища кахетинского типа³⁶, а в Узбекистане — ташкентского типа. Оба типа жилищ по внешнему облику и планировке в наибольшей мере приближаются к городскому и в то же время сохраняют все достоинства сельского жилища. Только при условии адаптации к особенностям сельского образа жизни городские жилищно-бытовые нормы могли получить широкое распространение в селе.

Вероятнее всего, сельская община воспринимала культурные нормы от ближайшей по социально-культурному статусу и географическому положению референтной группы — жителей локального, местного центра. Такие центры, на наш взгляд, чаще всего выступали в роли ретрансляторов культурных норм, сформировавшихся в поселениях более высокого ранга. Так, нормы, регулирующие деятельность в сфере непосредственного жизнеобеспечения населения (типы жилищ, одежды, пищи) в прошлом, вероятнее всего, формировались в центрах историко-культурных областей и на прилегающих к ним сельских территориях. Нормы духовной культуры могли складываться и на самом верхнем ярусе иерархической структуры. Отсюда же поступали в общину и иноэтнические заимствования. Спускаясь по ступеням социально-территориальной иерархии, культурные нормы постепенно адаптировались к конкретной местной специфике, укоренялись в сельском быту³⁷.

Если допустить, что общенациональные культурные нормы в принципе формируются в крупных городах и прилегающих к ним сельских районах, то возникает вопрос об этнокультурных функциях нижнего яруса территориальной структуры этноса, т. е. основной массы сельских периферийных общин.

М. М. Громыко отмечает отдельные виды традиционных культурных норм, которые формировались и сохранялись в общине. Это «нормы глубины вспашки и количества вспашек под ту или иную культуру на

³² Ата-Мирзаев О. Б. Региональное прогнозирование расселения и управление процессом урбанизации. Ташкент: Фан, 1979, с. 62, 68.

³³ О роли городов в формировании русских национальных традиций см.: Рабинович М. Г. Вторая родина традиций. — Знание — сила, 1980, № 5.

³⁴ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983, с. 272.

³⁵ Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982.

³⁶ Там же, с. 54.

³⁷ Рассматриваемый механизм трансмиссии культурных явлений характерен в основном для этнических общностей, объединенных в административно-территориальном отношении. Однако и этнодисперсным группам могут быть присущи вертикально-иерархические связи, если такие группы представлены на разных уровнях поселенческой иерархии. Так, армяне Тбилиси могут быть референтной группой для армянского населения малых городов Грузии, например Ахалдixe, а те в свою очередь — для жителей соседних армянских сел. Культурные нормы русских Ташкента престижны для русского населения малых городов и сел Узбекистана.

разных землях»³⁸; нормировалось также время ухода из селения на добывающие промыслы, время ловли рыбы, проведения некоторых сугубо местных праздников и ряда других видов деятельности крестьян³⁹.

Хотелось бы выделить две отличительные особенности перечисленных традиций. Во-первых, ни одна из них не относится к числу общенациональных (общезнаковых), да они и не могли стать общими для этноса, поскольку отражали практически уникальную специфику среды обитания общины. Например, агрохимический состав почв и связанные с ним нормы глубины вспашки могли быть различными не только для общин одной округи, но и для разных сел одной общины. Во-вторых, все эти нормы вторичны («нормы-привязки»), т. е. продукт адаптации фундаментальных общезнаковых норм к местным условиям. Малый демографический и социально-культурный потенциал не позволял общине формировать более фундаментальные нормы, но, главное, в этом и не было необходимости. Соседская община, являясь органической частью социально-экономической и этносоциальной системы, имела возможность использовать и приспосабливать к местным условиям культурные нормы, получаемые от более широких, охватывающих ее, территориальных общностей. При этом процесс модификации общезнаковых норм продолжался и внутри общины. Так, каждый пахарь в какой-то мере изменял, варьировал общинную норму глубины вспашки, исходя из своих физических возможностей, навыков и комплекса других индивидуальных особенностей. Ю. В. Бромлей отмечает, что «культура общности имеет определенный „приоритет“ перед функционирующей в ее рамках культурой индивидов»⁴⁰. Аналогичные взаимоотношения складываются между этносом и внутриэтническими локальными общностями: общезнаковая культура имеет приоритет перед субкультурами локальных общностей.

Из сказанного не следует, что масса сельских общин была только потребителем общенациональных культурных норм, она могла коллективно участвовать в их формировании, производя для них своего рода сырье, заготовки, т. е. конкретные, индивидуальные и локальные культурные формы. Такие формы поступали на «переработку» в центры территориальных общностей. Суть «переработки» в конечном счете сводилась (и сейчас сводится) к тому, что локальные формы отчасти теряли свою местную специфику, ограничивающую их распространение, но взамен приобретали важнейшее свойство, превращающее их в общенациональные формы, — престижность маркированности.

На наш взгляд, циркуляция внутриэтнической культурной информации включает два встречных процесса. Во-первых, движение от индивидуальных локальных форм к общенациональным нормам, обеспечивающее стереотипизацию индивидуальных и локальных явлений культуры, рост их общественной значимости, ценности. Во-вторых, обратное движение от общенациональных культурных норм к локальным и индивидуальным формам. Вследствие этого процесса национальные нормы дезагглютируются, конкретизируются, приобретают местную специфику⁴¹.

Из наших рассуждений вытекает, что формирование общезнаковой культуры не входит в компетенцию какой-либо отдельной малой социальной группы или общности: это функция всей иерархии общностей, составляющих социально-территориальную структуру этноса.

Пока мы не рассматривали вопрос о роли различных звеньев социально-территориальной структуры этноса в хранении, т. е. в диахронном воспроизводстве этнокультурных норм-традиций. В этом отношении

³⁸ Громыко М. М. Указ. раб., с. 72.

³⁹ Там же, с. 79.

⁴⁰ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 117.

⁴¹ Примеры движения форм крестьянской культуры вверх по лестнице социального престижа и их возвращения в крестьянскую среду в виде общенациональных культурных норм см. Арутюнов С. А. Указ. раб., с. 45—46.

город и село, центры и периферия как бы меняются ролями, поскольку в отличие от процесса формирования этнокультурных норм ведущая роль в их хранении принадлежит низовым звеньям социально-территориальной иерархии. Даже те культурные явления, которые сформировались в городе, дольше сохраняются в сельской местности. Например, в современной русской деревне чаще, чем в городе, поют частушки или танцуют кадрили под аккомпанемент гармонии. Особенно прочны традиции в сельской «глубинке». Понятно, что удельный вес традиционных норм выше в тех локальных сельских общностях, до которых дольше и труднее доходят городские инновации.

Разные механизмы лежат в основе формирования и хранения (поддержания) культурных стереотипов. Для широкого распространения культурного явления, превращения его в норму необходимо, чтобы оно было престижным. Однако социальный престиж неустойчив и поэтому не может служить достаточным основанием для длительного бытования конкретного культурного явления. Более значимы в этом отношении утилитарные свойства явления. Его использование должно приобрести личностный смысл и стать привычкой. В формировании общенациональных (общенациональных) культурных норм играют роль вертикально-иерархические связи, в то время как простое (не расширенное) воспроизводство традиционных культурных явлений осуществляется в основном с помощью горизонтально-линейных связей внутри первичных территориальных общностей⁴².

Формирование общенациональных норм возможно только при наличии непрерывных синхронных связей, объединяющих всю этническую общность. Для простого поддержания традиций достаточно наличия дискретно-синхронных связей, т. е. связей внутри отдельных микрообщностей.

Первичные территориальные общности могут относительно самостоятельно воспроизводить этнические традиции, что доказывается примерами небольших локальных общностей, оторванных от основного этноса (этнодисперсных групп). Однако культурное воспроизводство в таких общностях может быть только суженным. Чем меньше локальная ячейка, тем выше вероятность утраты некоторой части культурной информации, по крайней мере вследствие демографических процессов (миграций, смерти знатоков традиций и т. д.) и тем ниже вероятность восполнения этой утраты с помощью собственных весьма ограниченных социально-культурных ресурсов. Поэтому расширенное воспроизводство традиционной этнической культуры возможно только в иерархии территориальных общностей при обязательном участии городов. Как мы уже отмечали, из городов в основном поступают в сельскую местность культурные инновации. Города консолидируют не только социально-этнические общности, но и их культуру. Они нормируют, стереотипизируют культурные явления, превращают их в общенациональные ценности. Важную роль в этом играет профессиональная культура, прежде всего национальное искусство и гуманитарные науки. Они активно влияют на национальное самосознание народа, формируют его представления об историческом единстве этноса и основных его культурных достижениях. Не случайно с развитием урбанизации, ростом городского населения возрастает и национальное самосознание народов, консолидировавшихся в нацию.

Обмен культурной информацией между городом и селом, между различными звеньями социально-территориальной структуры этноса является необходимым условием его нормального функционирования и развития.

⁴² Разумеется, и в процессе горизонтально-линейных связей между однопорядковыми территориальными общностями могут формироваться общие культурные черты. Однако складывающиеся в этом случае культурные стереотипы имеют весьма ограниченный ареал,— это, как правило, узкие полосы пограничной, контактной зоны. Для того чтобы такие стереотипы стали общенациональными нормами, необходимо «включение» механизмов вертикальной диффузии.

Итак, основу выдвигаемой гипотезы составляют следующие положения.

1. Из всех малых социальных групп и общностей прежде всего территориальные как демографически самовоспроизводящиеся могут относительно самостоятельно и исторически длительно хранить этнокультурные традиции. Однако в процессе формирования и расширенного воспроизводства традиций отдельные общности выполняют частные специализированные, а, следовательно, взаимодополняющие функции.

2. Малые социальные группы, а также индивиды могут вырабатывать локальные, групповые и индивидуальные культурные стереотипы из культурного субстрата, получаемого от более широких, «охватывающих» общностей, т. е. на основе адаптации и трансформации общенациональных норм. В свою очередь локальные культурные стереотипы, постепенно распространяясь в иерархии социально-территориальных общностей, могут стать общенациональными нормами.

3. Если этнос представляет самоорганизующуюся систему, он, вероятно, должен иметь собственные узлы, центры, где обобщается и откуда распространяется культурная информация. Предположительно эти функции выполняют центры социально-территориальной структуры этноса.

4. Иерархия поселений-центров и возглавляемых ими внутリエтнических регионов создает необходимые предпосылки для каскадной циркуляции этнокультурной информации. Такая циркуляция, в свою очередь, — одно из важнейших условий функционирования и развития этноса.

Возможно, некоторые из наших высказываний покажутся спорными. Однако бесспорной представляется необходимость изучения социально-территориальной структуры этноса и ее функций. На наш взгляд, эта структура является пространственной основой этноса, а ее изучение позволяет познать закономерности строения и функционирования этносоциального организма.

А. В. Курочкин

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ НА УКРАИНСКО-МОЛДАВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ И ИХ СОВРЕМЕННЫЕ СУДЬБЫ

Хорошо известно, что этнокультурные процессы с особой интенсивностью протекают в зоне непосредственных этнических контактов. Одной из таких зон является украинско-молдавское пограничье, где автор собирал материал о современном состоянии календарных праздников и обрядов. Исследование проводилось в рамках межреспубликанской научной программы «Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма», осуществлявшейся совместными усилиями этнографов Академий наук УССР и МССР¹.

Исторически сложилось так, что между украинцами и молдаванами нет четкой линии этнической границы, хотя этническая принадлежность отдельных населенных пунктов в широкой переходной полосе прослеживается довольно определенно. На этом основании П. И. Кушнер рассматривал украинско-молдавский рубеж как «промежуточный» тип этнической границы, «...специфический для тех районов, где соприкасаются своими этническими территориями народы, близкие по культуре и поли-

¹ См. Зеленчук В. С., Орлов А. В. Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи: состояние и перспективы развития. — В сб.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 годов. Тезисы докладов. Черновцы, 1984, с. 6—9.